

ЧАСТЬ I

* * *

Элилит (суц.)

Татуировка вокруг пупка, которую наносят девочкам Плача, когда они становятся женщинами.

Архаичное; происходит от слова «элес» (личность) + «лили-тай» (судьба) — означает время, когда женщина овладевает своей судьбой и определяет собственный жизненный путь.

1. КАК ДРАГОЦЕННОСТИ, КАК НЕПОКОРСТВО

Кора и Нова никогда не видели Мезартим, но многое о нем знали. А кто нет? Девушки знали об их коже: «голубая, как сапфиры», — говорила Нова, хотя сапфиров они тоже никогда не видели. «Голубая, как айсберги», — говорила Кора. Вот их они видели постоянно. Сестры знали, что «Мезартим» означает «слуги», но не в привычном понимании слова. Они служили имперскими солдатами и магами. Могли летать или дышать огнем, читать мысли или превращаться в тень и обратно. Приходили и уходили через бреши в небе. Умели исцелять, видоизменяться и испаряться. Обладали военными дарами, невероятной силой и предсказывали смерть. Не все одновременно конечно же, а что-то одно-единственное, но Мезартим не выбирал свой дар. Он был внутри них, как и во всех остальных, ожидая — словно уголек воздуха, — пока кому-нибудь не повезет стать благословленным, избранным.

Именно так избрали маму Новы и Кору шестнадцать лет назад, когда Мезартим в последний раз посещал Риеву.

Тогда сестры были совсем маленькими и не могли вспомнить слуг с лазурной кожей или их металлические воздушные корабли, как не могли вспомнить свою маму, поскольку слуги забрали ее и сделали одной из них, после чего она уже не возвращалась.

Раньше она писала им из Аки, имперского города, где, по ее словам, жили люди не только с белой или голубой кожей, а с лицами всевозможных оттенков, и в небе парил дворец из божьего металла, перемещаясь с места на место. *Мои дорогие*, — начиналось последнее письмо, пришедшее восемь лет назад. — *Я отправляюсь Вовне и не знаю, когда вернусь, но вы к тому времени, безусловно, уже будете взрослыми женщинами. Заботьтесь друг о друге ради меня и никогда не забывайте, что бы вам ни говорили остальные: если бы мне дали выбор, я бы выбрала вас.*

Я бы выбрала вас.

Зимой в Риеве нагревали плоские камешки на костре и прятали их на ночь в шкуры зверей, хотя они быстро остывали и давили на ребра при пробуждении. Эти четыре слова были раскаленными, как камни, которые никогда не остывали и не оставляли синяков на коже, и Кора с Новой брали их с собой повсюду. Нет, сестры носили их на себе как драгоценности. Как непокорство. «Кто-то нас любит», — твердили их лица, когда они смотрели свысока на Скойе или отказывались робеть перед отцом. Это не так уж много, просто буквы вместо матери. К тому же теперь у них осталось только воспоминание о письмах, поскольку Скойе «случайно» бросила их в костер, — но зато они были друг у друга. Кора и Нова: спутницы, союзницы. Сестры. Они неразделимы, как строки куплета, которые теряют свое значение без контекста. С тем же успехом у них могло быть одно имя — *Кораинова*, — так редко их произносили отдельно, а если это все же случалось, имена казались незавершенными, как половина ракушки мидии, вскрытой и разделенной надвое. Они были друг для друга всем: лучшими подругами, убежищем в трудную минуту.

Им не нужна магия, чтобы читать мысли друг друга — достаточно одного взгляда, и их мысли становились близнецами, несмотря на внешнее различие сестер. Они стояли плечом к плечу, дружно приготовившись ко всему, что преподнесет им будущее. К чему бы ни принудила жизнь, они знали, что могут положиться друг на друга.

А затем вернулся Мезартим.

* * *

Нова увидела его первой. Она была на пляже и как раз поднялась, чтобы убрать волосы с глаз. Делать это пришлось предплечьем, поскольку в одной руке у нее был багор, а в другой — нож для свежевания. Пальцы обхватили их, как когти, а кожа была в крови до самых локтей. Нова почувствовала, как та запекается и стягивает плоть, пока проводила рукой по лбу. Вдруг что-то блеснуло в небе, привлекая ее внимание.

— Кора, — позвала она.

Кора не слышала. Ее стоическое лицо, тоже забрызганное кровью, лишилось всяких эмоций. Нож работал взад-вперед, но глаза оставались пустыми, будто и разум отправился в более приятное место, не желая участвовать в этом грязном деле. Между ними лежала наполовину освежеванная туша уула. По пляжу рассыпались десятки туш и таких же сгорбленных людских фигурок. Песок сочился кровью и животным жиром. Птицы с пронзительными криками боролись за потроха, а мелководье кишело рыбами-шипамии и клювакулами, которых привлек приторно-солончатый смрад. Наступил Убой, худшее время в году в Риве — по крайней мере, для девочек и женщин. Мужчины и мальчишки им наслаждались. Они орудовали не баграми

и ножами, а копьями. Убивали и спиливали бивни, чтобы вырезать из них трофеи, а туши просто бросали на берегу. Разделка туши — женская работа, и не важно, что для этого требуются крепкие мышцы и больше выносливости, чем для убийства. «Наши женщины сильные», — хвастались мужчины с мыса, вдали от вони и мух. И они действительно были сильными... а еще утомленными, мрачными, дрожащими от перенапряжения и пропитанными мерзкими выделениями мертвых существ. И тут Нова заметила уголком глаза какой-то блеск.

— Кора, — повторила она, и на сей раз сестра подняла голову, а потом проследила за ее взглядом.

Казалось, будто Нова видела, что там, но не могла переварить эту информацию без Кору. Как только сестра подняла глаза к небу, они онемели от потрясения.

Там парил корабль.

Летающий корабль подразумевал Мезартим.

А Мезартим подразумевал...

Свободу. Свободу от Риевы и льдов, от уулов и тяжкого труда. От тирании Скойе и отцовской апатии. А в последнее время и — остро необходимую — свободу от мужчин. В этом году мужская половина населения деревни замедляла шаг, завидев сестер, переводя взгляд с Кору на Нову и с Новы на Кору, словно выбирая цыпленка на заклание. Коре было семнадцать, Нове — шестнадцать. Отец мог выдать их замуж в любой момент, когда пожелает. Единственная причина, по которой он еще этого не сделал, заключалась в том, что Скойе, их мачеха, не хотела терять пару рабынь. Они выполняли большую часть работы и приглядывали за группкой своих маленьких сводных братьев. Но Скойе не могла держать их вечно. Девушек

дали, как подарки, а не хранили — или, скорее, продавали, как скот, о чем прекрасно знал каждый отец желанной дочери в Риеве. А Кора и Нова были довольно симпатичными со своими пшеничными волосами и ярко-кариими глазами. Тонкие запястья скрывали их силу, и хоть изгибы тел в основном прятались под слоями шерсти и шкурами уулов, сделать из своих бедер тайну стало проблематично. Они были достаточно фигуристыми, чтобы согревать ногами меховые шкуры, и, кроме того, славились усердностью в работе. Это не займет много времени. К Глубокозимью, когда наступит темный месяц, они наверняка уже будут женами и переедут к тем мужчинам, которые сделают отцу наилучшие предложения — иными словами, они больше не будут вместе.

И дело не только в том, что их разделяет, или в их нежелании становиться чьими-то там женами. Хуже всего то, что они потеряют свою ложь.

Какую?

Это не наша жизнь.

Сколько они себя помнили, именно это девушки твердили друг другу словами и безмолвием. Им хватало одного пронзительного взгляда, и с тем же успехом фраза могла прозвучать вслух. Когда становилось совсем тяжело — в середине Убоя, когда туши шли одна за другой, когда Скойе была их или у них заканчивалась еда, а конец зимы был еще далеко, — они согревались пламенем этой лжи. *Это не наша жизнь. Помни. Нам здесь не место. Скоро вернется Мезартим и выберет нас. Это не настоящая жизнь.* Как бы ни были плохи дела, эта фраза заставляла их двигаться дальше. Будь они одним человеком, а не двумя, то его жизнь давно бы угасла, как свечка, прикрытая одной ладошкой.

Но их двое, и общими усилиями они поддерживали этот огонек, видели его отражение в глазах друг друга и поочередно заимствовали веру — единые и непобедимые.

По ночам сестры шептались о том, какие у них откроются дары. Они будут могущественными, как их мать, несомненно. Им суждено быть солдатами-магами, а не женами-сиделками или рабами-дочерьми, и однажды их увезут в Аку, чтобы подготовить к сражениям и носить металл богов на своей коже. А когда придет время, они тоже улетят Вовне — вверх через брешь в небе, чтобы стать героями империи; такие же голубые, как сапфиры и ледники, и прекрасные, как звезды.

Но годы шли, а Мезартим все не появлялся, и ложь постепенно истрепалась. Теперь, когда они искали веру, горевшую между ними, сестры все чаще натывались на страх. *Что, если это все-таки наша жизнь?*

Каждый год в канун Глубокозимья Кора и Нова взбирались по обледеневшей горной тропе, чтобы посмотреть на краткий приход солнца, прекрасно зная, что в следующий месяц им его не видать. Что ж, потерять эту ложь все равно что потерять солнце — и не на месяц, а навсегда.

Так что вид небесного корабля... подействовал на них как возвращение света.

Нова радостно вскрикнула. Кора засмеялась — счастливо, раскрепощенно и... осуждающе.

— Сегодня? — требовательно обратилась она к кораблю в небе. Потрясающий, волшебный звук ее смеха прокатился по пляжу. — Серьезно?

— Не могли прилететь на неделю раньше? — крикнула Нова, откинув голову с тем же счастьем и распушенностью в голосе, а еще суровыми нотками.

Они были грязными от пота, воняли кровью, их глаза покраснели от ядовитых газов потрохов, а Мезартим выбрал именно этот момент, чтобы вернуться? По всему пляжу, среди влажных полых туш расчлененных чудищ и тучек кусачих мух, другие женщины тоже подняли головы. Ножи замерли. В навеянном Убоем унынии заворошился восторг, когда корабль подошел ближе. Он был сделан из ярко-голубого и зеркально-чистого божьего металла, отражавшего лучи солнца, из-за чего в глазах женщин заплясали черные пятнышки.

Небесные корабли Мезартима формировались под влиянием разумов их капитанов, и этот был сделан по подобию осы. Его крылья гладкие, как лезвие ножа, голова — сужающийся овал с двумя большими сферами вместо глаз. Насекомоподобное тело состояло из грудной клетки и брюшка, соединенных узенькой талией. У него даже имелось жало. Корабль двигался над их головами, направляясь к мысу, и скрылся из виду за скалистым палисадом, оберегавшим деревню от ветра.

Сердца Кору с Новой забились чаще. Голова шла кругом, руки тряслись от трепета, волнения, благоговения, надежды и правдивости их мыслей. Сестры взмахнули своими баграми и вонзили их в уула, поскольку знали, разжимая пальцы с истасканных рукояток инструментов, что уже никогда за них не возьмутся.

Это не наша жизнь.

— Вы что это такое удумали?! — требовательно спросила Скойе, когда они поплелись к берегу.

Девушки проигнорировали ее, упав на колени на ледяном мелководье, чтобы омыть головы водой. Морская пена порозовела, на волнах покачивались куски жира и хрящей,

но вода все равно была чище, чем сестры. Они оттирали собственную кожу, волосы, лица друг друга, опасаясь заходить слишком глубоко, где бесновались акулы и рыбы-шипы.

— Возвращайтесь к работе, вы, обе! — отчитала их Скойе. — Еще не время для отдыха.

Они окинули женщину скептическим взглядом.

— Мезартим вернулся, — сказала Кора с теплотой и восхищением в голосе. — Скоро нас испытают.

— Нет. Не до тех пор, пока вы не закончите работу с тем уулом.

— Сама заканчивай, — отрезала Нова. — Тебя-то им видеть не нужно.

Лицо Скойе помрачнело. Она не привыкла, чтобы сестры огрызались, но дело было не только в резком ответе. Она уловила интонации в голосе Новы. В нем слышалось пренебрежение. Скойе уже испытывали шестнадцать лет назад, и сестры знали, каков ее дар. В Риеве проверяли всех, кроме детей, но лишь одной посчастливилось стать Избранной: Ньюке, их маме. У Ньюки оказался дар поражающей силы: буквально поражающей. Она могла посылать ударные волны — в землю, в воздух. Когда ее сила впервые пробудилась, то сотрясла всю деревню и создала лавину, уничтожившую путь к заколоченным шахтам. Формально дар Скойе тоже был военным, но столь малого размаха, что считался смехотворным. Она могла навлекать ощущение, подобное уколам иголок — по крайней мере, на короткое время испытания. Лишь Избранные могли сохранить свой дар строго для службы империи. Все остальные увяли до обычных людей: недостойных. Бессильных. Бледных.

Оскорбленная, Скойе замахнулась, чтобы влить Нове пощечину, но Кора поймала ее за запястье. Девушка ниче-

го не сказала. Просто покачала головой. Скойе выдернула руку, ошеломленная и разгневанная в равной степени. Сестры постоянно злили ее — не своим неповиновением, а поведением, будто они неприкасаемые, выше всех, будто смотрят вниз на остальных с какого-то высокого положения, на которое у них не было права.

— Думаете, вас выберут только потому, что выбрали ее? — требовательно поинтересовалась она.

Идеальная Ньюка. Скойе чуть не сплюнула. Мало того, что Ньюку избрали и увезли с этого чертового ледяного острова в самой глуши, так она еще и осталась здесь — в сердце мужа, в фантазиях дочерей и в благородных воспоминаниях всех жителей. Ньюке удалось сбежать и сохранить напускную безупречность — всегда и навеки красивая юная мать, которую призывали для великих целей. Губы Скойе изогнулись в жестокой усмешке.

— Думаете, вы лучше остальных? Думаете, она была лучше?

— Да, — прошипела Нова на первый вопрос. — Да, — прошипела на второй. — И да.

Нова оскалила зубы. Ей хотелось кусаться. Но Кора взяла ее за руку и потянула к дорожке, вьющейся по скале. К ней направлялись не только сестры. Все женщины и девочки стали подниматься обратно к деревне. У них посетители. Риева находилась на дне мира — где был бы водосток, имейся он у миров. Любые чужаки считались столь же редкими, как принесенные бурей бабочки, а эти чужаки были Мезартимом. Никто не собирался пропускать такое событие, даже если оно подразумевало, что уулы сгнут на пляже.

Отовсюду слышалась возбужденная болтовня, сдавленный смех, шум и гам трепета. Остальные не потрудились